

Л.Ф. Широкова

Образ Людовита Штура в художественной литературе: штрихи к портрету

Аннотация: Источники знания о Л. Штуре – это его канонический визуальный образ-портрет, а также сложившиеся представления о его политической, научной и литературной деятельности. Важно изучение его собственных произведений, выступлений, статей, опубликованных писем, высказываний современников и воспоминаний ближайших соратников. Выдающаяся личность Штура привлекала и писателей, становясь художественным образом. В качестве примера рассматриваются три воплощения образа Штура в произведениях писателей разного времени, разных идейных позиций и художественного стиля. Знакомство с этими произведениями позволяет дополнить привычный портрет классика живыми человеческими чертами, лучше понять личность одного из крупнейших деятелей словацкой истории.

Ключевые слова: словацкая культура, национальная идея, художественный образ, романтизм, реализм, постмодернизм

Abstract: Sources of knowledge about L. Shtur is his canonical visual image – his portrait, as well as the prevailing notions of his political, scientific and literary activities. It is important to study his own writings, speeches, articles, published letters, statements of contemporaries and memories of his closest associates. Outstanding personality of Shtur attracted writers, becoming an artistic image. As an example, analysis of three incarnations of this image in the works of writers of different periods, different ideological positions and different style. Knowledge of this works allows to complete his usual portrait with living human traits, achieve better understanding of the identity of one of the largest figures in Slovak history.

Key words: slovak culture, national idea, an artistic image, romanticism, realism, postmodernism

Из чего складывается «образ», наше представление о Людовите Велиславе Штуре? Источников несколько: это, прежде всего, его канонический ви-

зуальный образ – портрет кисти Йозефа Божетеха Клеменса, написанный в 1872 г., наши общие знания о деятельности Штура как организатора национального движения, политика и журналиста, кодификатора литературного языка. Углубляет и, возможно, корректирует эти представления изучение его собственных произведений, выступлений, статей, опубликованных и снабженных научными комментариями писем. Важен и взгляд со стороны его ближайших соратников, воспоминания современников – прежде всего, Йозефа Милослава Гурбана. Вместе с тем выдающаяся и неординарная личность Штура привлекает и писателей более позднего времени, становясь художественным образом, литературным героем. В создании такого образа, наряду с упомянутыми стереотипами, авторы часто используют и документальные источники, встраивая их в ткань художественного произведения.

Приведем в качестве примера три воплощения образа Штура в произведениях писателей разного времени, разных идейных позиций и художественного стиля: близкий к романтическому типу героя по своей исключительности, самоотверженности, драматизму, почти идеальности – Штур у Гурбана («Людовит Штур», 1881–1884); беллетристический образ, созданный в русле психологического реализма автором исторических романов Людо Зубеком («Весна Аделы Остролицкой», 1957) и, наконец, постмодернистское изображение фигуры национального гения, представленной к тому же в феминистском ключе в пьесе Яны Юраневоы «Блюдца серебряные, посудины отменные» (1997).

Образ Штура представляется в литературе, как правило, многопланово: обрисовывается его незаурядный внешний облик, выделяются – в зависимости от замысла и трактовки автора – особые стороны его личности, воссоздается через высказывания и поступки его характер (в шкале от идеального у Гурбана до почти пародийного у Юраневоы), его принципы, отношение к окружающим: к ученикам, соратникам, к идейным врагам. Особое место занимает тема его отношения к женщинам (его «искушения» любовью сначала к Марии Поспишиловой, а позднее к Аделе Остролицкой), к браку (порицание друзей за «предательство» интересов общего дела ради личного счастья).

Внешность Штура описывается, как правило, в соответствии с известным живописным портретом и свидетельствами современников. Автор канонического словесного портрета Й.М. Гурбан подробно и эмоционально пишет о красоте и почти гипнотической притягательности Штура: «Красивый, прямой как струна, стройный, высокий юноша словацкий с черными, словно сыплющими согревающий огонь очами, с густыми темно-каштановыми волосами; весь его облик был для каждого настолько гармоничным, ладным и привлекательным, неодолимо электризирующим, что ему невозможно было противиться. [...] Лицо имел овальное, но не худое, а от здорового воздуха цветущее, грехами не изрытое и не помятое. [...] Обаяние его было так велико, что даже враги самые заклятые и отчаянные не могли ему

противостоять»¹. Лучшим изображением Штура, передающим не только его внешность, но и характер, Гурбан считал литографию 1861 г., основой для которой послужил его единственный сохранившийся дагерротипный портрет, сделанный около 1849 г.

Воспоминания Гурбана, первоначально публиковавшиеся в журнале «Словенске погляды» в 1881–1886 гг., состоят из четырех книг, где автор прослеживает, как это принято в классической биографии, жизнь своего героя с рождения и детских лет до его зрелости; подробно описаны события и факты, связанные с активной и многогранной деятельностью Штура вплоть до начала революции 1848–1849 гг.; последний этап жизни Л. Штура, его безвременная кончина в 1856 г. остались уже вне рассмотрения.

Гурбан представил в своей книге, разумеется, более или менее субъективный взгляд на Штура, своего близкого друга с юных лет и многолетнего соратника по борьбе за словацкую идею. Он подробно, с документальными ссылками, описывает облик, характер, поступки Штура, его роль в жизни сначала кружка молодых словацких интеллектуалов, а затем и всего общества, воспроизводит эпизоды и моменты его личной жизни. В целом Гурбан создает образ идеального героя, близкого к романтическому, «вечного юноши», горячего словацкого патриота, фактического создателя нации в ее основах – от литературного языка до развернутой политической программы. Гурбан не раз подчеркивает самоотречение Штура во всем, что касалось его лично, его очень скромный достаток, сознательную сдержанность в отношениях с женщинами, отказ от брака, мешающего борьбе на благо народа. В своей книге Гурбан широко использует цитаты – письма Штура, его статьи, тексты его выступлений как депутата от города Зволен в венгерском сейме, его стихи.

Подробно и живо описан эпизод исторической вылазки Штура и его молодых соратников, «узкого круга друзей народа», в предместье Братиславы, к историческим руинам крепости Девин, где они читали стихи, пели народные песни, произносили пламенные патриотические речи и приносили клятву служения народу. Гурбан дословно воспроизводит обращение Штура к собравшимся с призывом «избрать себе девиз всей жизни и прибавить второе, славянское имя к своему, данному при крещении [...], Людовит первым заявил, что хочет носить еще одно имя, народное – Велислав»².

Пафос этих сцен несколько смягчил сам Гурбан, описав обильное застолье, которое устроила затем словацкая молодежь в местном трактире, не вполне рассчитав свои финансовые возможности. «При виде поданной нам индейки, – пишет он, – начались тосты, весело разговорился даже Людовит и другие старшие. Однако после тайных переговоров выяснилось, что у нас нет при себе достаточно наличных, чтобы смело в глаза хозяину глядеть; и заключили тогда наши предводители послать двоих [...] в Братис-

¹ *Hurban J.M. Ľudovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, 1959. S. 51.*

² *Ibid. S. 93.*

лаву за деньгами¹, чтобы не уронить честное имя патриотов перед злоречивыми недоброжелателями. «А насмешки не мог Штур вынести»², – замечает мемуарист.

Встречаются в книге и беллетризованные главы, где Штур действует как литературный персонаж, ведет диалог с собеседником, а автор-повествователь излагает и комментирует его мысли, действия и реакции. Так, Гурбан образно и в лицах описывает эпизод, когда Штур в мае 1848 г., спасаясь от преследования венгерских властей, некоторое время скрывается в горах у лесничего Галбавого. Передавая мысли своего героя, автор использует даже прием внутреннего монолога: «“Туда ты пойдешь, туда сквозь ночь прорвешься, там и отдохнешь, олень, охотниками гонимый... Дальнейший путь укажет Господь, если будет воля его”», – с такими раздумьями миновал Людовит виноградники и к ночи добрался до самых гор. “Но что же я делаю? Надо ли было так спешно мчаться сквозь тьму? Что плохого мы совершили?..” Так говорил сам себе Людовит»³. Далее следует сцена встречи в горах, диалог с лесничим и проч. В конце этого эпизода Гурбан как верный биограф указывает на некоторый документальный источник: «Галбавый свои краткие заметки передал мне...», – добавив, правда, не вполне «оправдывающее» его проникновение в сознание героя замечание: «Читатели наши знают ход мыслей Штура»⁴.

Представляя Штура как человека высоких устремлений, готового к самопожертвованию, Гурбан упоминает и эпизоды его личной жизни, прежде всего – юношескую любовь к Марии Поспишиловой, сестре его товарища, идеальной «славянской девы», вершиной достоинств которой, как подчеркивал Гурбан, было «горячее чувство национальное». Но Штур, убежденный борец за словацкую идею, по образному выражению биографа, «огонь первой любви на ключ закрыл и на семь замков от самого себя в глубинах собственного сердца запер»⁵.

Но все же основное внимание Гурбан уделяет политической деятельности Штура, которой было подчинено многое в его жизни: и педагогическая работа со словацкой молодежью, и редакционно-издательские дела в созданной им газете «Словенске народне новины», и даже работа по кодификации словацкого литературного языка. «Не грамматика нам нужна, а жизнь!» – цитирует Гурбан его слова⁶.

Повествуя о непродолжительном, но насыщенном событиями периоде работы Штура в качестве депутата венгерского сейма, биограф не только подробно излагает его выступления, проникнутые национально-освободительным духом, но и говорит о живом эмоциональном поведении оратора: «Штур прыгнул как отважный витязь в гущу неприятеля и, уже не оглядываясь ни впе-

¹ Ibid., s. 98.

² Ibid., s. 100.

³ Ibid., s. 591.

⁴ Ibid., s. 595.

⁵ Ibid., s. 192.

⁶ Ibid., s. 391.

ред, ни назад на врагов свободы, всю власть в свои руки забравших, заговорил с воодушевлением: «Мы хотим свободы! Это наша цель и святое упование наше!»¹ Своим красноречием и ораторским талантом он покоряет слушателей и во время Пражского славянского съезда накануне восстания, когда молодежь буквально носила его на руках. «Штур был оратором широкого масштаба, – отмечает Гурбан, – все в нем выражало солидность, логику, неизменную последовательность суждений. Но когда он воспламенялся огнем, им же самим в собравшихся разожженном, чувства уносили его на самый предел ораторского экстаза. Глаза его сыпали искры, и мысли били ключом»².

Как зрелый политик и настоящий лидер проявил себя Штур и во время революционных событий, заменив собой многих соратников. «Штур был в эти дни душой всего восстания. ...Он был повсюду, раскрылся его талант организатора и вдохновителя бесконечно пламенного, вливающего силы в ряды бойцов», – пишет Гурбан в конце книги, завершая свою многолетнюю работу по созданию, бесспорно, самого подробного и во многом непревзойденного биографического труда, посвященного Людовиту Штуру.

Совсем иной характер имеют беллетристические произведения, в которых одним из центральных персонажей выступает Штур.

Сюжет романа Л. Зубека «Весна Аделы Остролицкой» и действие пьесы Я. Юраневой «Блюдца серебряные, посудины отменные», несмотря на их полную противоположность в трактовке темы и образа, представляют собой художественную реконструкцию предполагаемых событий, которая основана на отрывочных сведениях, но прежде всего – на одном из писем Штура, адресованном Й.М. Гурбану. В нем он сообщает другу о безвременной кончине своей духовной соратницы, молодой аристократки Аделы Остролицкой. «Это было особое существо, – пишет Штур, – более дух, нежели тело, образованности и благородства преисполненное необычайных, и любви к нам, как это видно из ее записок, самой горячей. Такое существо редко рождается и еще реже воспитывается в предназначении скорее Богу, чем миру. [...] Да, сколь незначительна наша земная частица, чтобы пытаться построить на ней хоть самую малость. [...] Мы посвятили себя духовному служению, а потому должны пройти наш путь столь тернистый»³. На смерть Аделы Остролицкой Штур написал стихотворение «А. О.» («Увял ты слишком рано, прекрасный Грона цвет...», 1853), где мы видим те же слова и сравнения, что и в письме Гурбану («существо благородное», «в сердце любовь горела к тем краям», «казалось, это только дух» и проч.)⁴.

В романе Л. Зубека этот сюжет стал историей любви и самопожертвования двух незаурядных людей, а в пьесе Я. Юраневой – это показанная с позиций феминизма история погибшей от эмоциональной «чахотки» в отсутствии любви Аделы.

¹ *ibid.*, s. 527.

² *ibid.*, s. 618.

³ www.stur.sk.

⁴ zlatyfond.sme.sk/dielo/37/Stur_Basne/2

Книга Л. Зубека (1957) – типичный исторический роман-биография, с сильным центральным персонажем, любовной интригой и реалиями описываемого времени. Фабула романа не усложнена авторскими отступлениями, она развивается линейно, в хронологической последовательности, начиная со знакомства рассказчицы, дочери сельского учителя Эвы Йонашовой с молодой аристократкой Аделой Остролуцкой и заканчивая смертью Аделы, а потом и Штура. Женский взгляд на историческое лицо (и на исторические обстоятельства), избранный писателем, определяет и тематический круг, и шкалу оценок и характеристик этого лица. Так, в описании внешности Штура – через восприятие рассказчицы – большое место уделяется его элегантности и изысканности в одежде. Говоря о первом впечатлении при встрече с ним Эва подробно перечисляет детали: «На нем был хорошо сшитый голубой фрак и узкие прилегающие серые брюки. В руке он держал высокую шляпу, так называемый цилиндр, того же оттенка, что и брюки. Вокруг шеи был повязан шелковый платок голубиного цвета, скрепленный под подбородком красивой заколкой»¹.

Завязкой основного действия становится встреча двух подруг с редактором Людовитом, знаменитым братом местного капеллана Самуэля Штура. Для Эвы Штур еще до личного знакомства с ним был одним из великих словаков, наряду с Яном Голлым и Яном Колларом, «воплощением совершенства, без малейшего изъяна или признака слабости. [...] Это было восхищение, восторг, которым горели тогда все молодые сердца словацкие»². Адела, которой еще чуждо национальное словацкое самосознание, попадает под обаяние Штура – красавца с хорошими манерами, интересного собеседника, – хотя и видит явное неравенство между собой и простым неродовитым словаком. Она решает покорить его, «мстя» попутно за Марию Поспишилову, любовь к которой Штур принес в жертву отечеству. Несколько раз, становясь неким лейтмотивом, цитируется в романе стихотворение Штура «Прощание», адресованное Марии:

Забудь, дорогая, о юноше дальнем,
над кем грозовые тучи спустились,
забудь, дорогая, о друге печальном,
что восточку шлет с тем, чтоб мы простились
о всех уладах он в мире забудет,
но верен родине вечно пребудет!³

(Пер. Н. Шведовой)

Ее «мечь» со временем переходит в истинное сильное и взаимное чувство, однако и эта любовь терпит крах, поскольку Штур не может изменить своим убеждениям и безраздельно посвящает себя борьбе. «Я навсегда оста-

¹ Zúbek L. Jar Adely Ostrolúckej. Bratislava, 1973. S. 61.

² Zúbek L. S. 55.

³ Голоса столетий. Антология словацкой поэзии. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 89.

нусь верен народу, к которому принадлежу, и всю жизнь буду сражаться за его интересы»¹, – заявляет он Аделе в ходе одной из их дискуссий.

Зубек, придерживаясь, в основном, исторической канвы и достоверности в передаче облика и характера Штура, делает, разумеется, ряд художественных допущений при построении любовной линии, поскольку практически никаких свидетельств об этих отношениях не сохранилось, кроме упомянутого письма Гурбану. Да и здесь Штур, сообщив другу о печальном событии, тут же переходит на другую тему – сбора средств на Братиславский лицей: «Мертвое тело перевезут в Острую Луку в семейный склеп. Отрадно, что она будет лежать среди близких. А в Прешпорке вокруг лица дела иначе пошли. Им дали разрешение собирать средства на лицей по всей стране...»².

Л. Зубек старается придать большую жизненность хрестоматийному образу национального подвижника, включая в роман эпизоды дружеского общения Штура с местными крестьянами, его рассказы о впечатлениях детских лет, о студенческих забавах во время учебы в лицее и проч. Однако даже в бытовых сценах Штур у него излишне пафосен и велеречив, за его монологами часто просматриваются тексты его статей и писем. При всех художественных ограничениях, обусловленных и жанром, и временем написания, роман Зубека все же пользовался большим успехом у читателя и был многократно переиздан.

Яна Юранева в пьесе «Блюда серебряные, посудины отменные» (1997) поднимает главную в ее творчестве тему – достойного места женщины, самоценной, эмоционально богатой личности в жестком, часто неблагодарном мире мужчин. Здесь эта тема преломляется через отношения обычных, живущих чувствами словацких женщин с «великими» – с их прославленными мужьями и возлюбленными. Женские фигуры в пьесе представлены в виде живых действующих лиц: это Аделка Остролицкая, Аничка Гурбанова (жена Й.М. Гурбана), Марина Пишлова-Гержова (прототип главной героини поэмы А. Сладковича «Марина»), Антония Браксаторисова (жена А. Сладковича). Женщины пытаются поговорить о своих эмоциональных привязанностях, о том, что они любили, – о детях, цветах, о близких мужчинах, пожаловаться друг другу на непонимание, на трудности быта. Живая беседа позволяет им на время забыть, что они давно мертвы, что они – всего лишь тени себя прежних. Мужчины же, классики словацкой культуры, представлены в виде условных образов – кукол, бюстов, фотографий: это Л. Штур, Й.М. Гурбан и А. Сладкович. Они время от времени, словно реагируя на слова женщин, произносят искусственные реплики, цитируя собственные произведения. Исключение из этого мужского коллектива представляет единственный из «великих» – живой и галантный Ян Калинчак, который утешает дам и порой кружит их в вальсе.

Основной лейтмотив в репликах Аделки Остролицкой – обида на Штура за свою напрасно погубленную молодость и любовь, а кроме того и рев-

¹ *Zúbek L. S.* 85.

² www.stur.sk.

ность к мужской «дружине», его друзьям и последователям: «Знаете, что обо мне написал Штур после моей смерти? Что я была существо. Не женщина, не человек, не создание, не лицо – существо! Мол, “это было особое существо, более дух, нежели тело, образованности и благородства преисполненное необычайных, и любви к нам, как это видно из ее записок, самой горячей. Такое существо редко рождается...”. И это слова мужчины, которого я любила. [...] Каким совершенным существом я была, особенно уже после того, как умерла. Это он Гурбану написал!»¹. На что сразу же следует реакция портрета Штура, который произносит гневную тираду из статьи 1846 г. «Отгоняя оводов»: «Коли пришла вам охота осуждать меня, так судите по тому, что я в публичной сфере делаю, а частную жизнь мою оставьте в покое, до нее никому нет дела! Однако же вы до одной лишь потаенной приватности добываетесь и оттуда клеветы на мою особу насылаете!»²

В обиде на Штура и Аничка Гурбанова, за женитьбу на которой тот резко осудил ближайшего друга: «Когда мой Йозеф Милослав на мне женился, Людовит такое написал в газете, что я думала – помру. Публично его осрамил, перед всем народом. Приятелям написал, что у Милослава, то есть – у моего мужа, на похоронах был! А раньше, когда приехал дня за три перед свадьбой, пытался еще отговорить его, чтобы не женился на мне, а народу верен остался. Ну, что вы на это скажете?!»

В финале пьесы звучат пессимистические реплики Аделки в ответ на слова Анички Гурбановой о вечности жизни, о любви и сокровищах духа:

Аничка: Это не может иметь конца. Жизнь продолжается, в детях, жизнь идет дальше.

Аделка: Жизнь закончилась, а моя тоска не имеет конца.

Аничка: Ну, зачем вы все портите, Аделка? Мы так много сказали друг другу...

Аделка: А это уже за концом.

Пьеса, написанная в характерной для Юраневой иронической манере, не раз с успехом ставилась на сцене, в том числе и в юбилейном 2015 г., когда в Словакии широко праздновалось 200-летие Л. Штура. Своеобразный, в своей основе феминистский, а отчасти – и постмодернистский взгляд на личность и наследие Штура свидетельствует о неизменном интересе к этой одной из крупнейших фигур словацкой истории и культуры.

Иллюстрации, как, собственно, и три рассмотренные литературные произведения, представляют собой своего рода палимпсесты. Мы имеем дело с наложением на исходный материал, будь то реальная биография Штура или его оригинальный дагерротипный портрет, привнесенных извне, идеологических, субъективных и др. черт или толкований.

¹ archiv.aspekt.sk/aspekt_in.php?content=clanok&rubrika=2&IDclanok=96

² Ibid.

**ПРИЛОЖЕНИЕ
(ПОРТРЕТЫ Л. ШТУРА)**

Йозеф Божетех Клеменс. Людовит Штур, масло, 1872.
Первый живописный портрет Л. Штура, сделанный по заказу Матицы Словацкой.

Отдельный снимок –
дагерротипный портрет (около
1850 г.), из фондов Музея
Людовита Штура в г. Модра.

Франтишек Коллар. Людовит Штур, литография,
1861. Первый портрет Л. Штура, сделанный после
его смерти. Й.М. Гурбан считал его самым удачным
изображением Штура.

«Штур 2000». Картина молодого словацкого художника Михала Сивко.

Сведения об авторе:
Людмила Федоровна Широкова,
канд. филол. наук
ст. научн. сотрудник
Институт славяноведения РАН.

Liudmila F. Shirokova,
Candidate of Philology
Senior Researcher
Institute of Slavonic Studies RAS
shirocco@mail.ru